

По Монголии до границъ Тибета.

ГЛАВА XI ¹⁾.

Въ области верхняго Я-лун-цзяна.

Селеніе Бана-джунъ.—Поѣздка Бадмажанова въ Хор-гамдза.—Необузданное городское населеніе; нѣсколько часовъ между жизнью и смертью.—Женскій монастырь Аннгомба.

Селеніе Бана-джунъ красиво расположено по подножію южнаго склона горъ, на лѣвомъ берегу рѣчки Сэр-чю, въ трехъ съ половиной верстахъ выше ея впаденія справа въ Я-лун-цзянъ. Съ сѣвера проходитъ маленькое ущельице съ можжевельнымъ лѣсомъ, въ гущинѣ котораго скрывался отшельникъ, буддійскій монахъ; съ противоположной стороны — другое ущелье, значительно большихъ размѣровъ, при входѣ въ которое бѣлѣли палатки нашей экспедиціи.

Дома, числомъ до двадцати, прочно сложены изъ рѣчной гальки, сцементированной глиной, и сгруппированы въ два длинныхъ прямоугольника, образующихъ узкую улицу, за исключеніемъ двухъ-трехъ домовъ, прицѣпившихся къ крутизнамъ того и другого скаатовъ ущелья. Общій характеръ здѣшнихъ построекъ тотъ же, какой указанъ выше, т. е. дома имѣютъ по нѣскольку этажей, изъ которыхъ нижній служитъ помѣщеніемъ для скота, а верхній — жильемъ самихъ хозяевъ и для склада ихъ имущества до запасовъ хлѣба, сѣна и соломы включительно. Въ домахъ зажиточныхъ тибетцевъ красиво выдѣляются веранды-балконы, открытыя на полу-

¹⁾ См. «Воен. Сб.» 1912 г., № 7.

денную сторону, гдѣ мѣстные обитатели часто проводятъ время за домашнимъ дѣломъ или угощеніемъ родныхъ и знакомыхъ. На этихъ же верандахъ въ лѣтнюю пору тибетцы и ночуютъ, нерѣдко оставляя открытыми двухстворчатыя цвѣтныя ставни. Внутри домовъ тибетцевъ по большей части царить полумракъ: въ небольшихъ окна, вмѣстѣ со слабымъ свѣтомъ, проникаетъ и наружный воздухъ теплый или холодный—безразлично; тибетцы съ оконными рамами и стекломъ для защиты отъ непогоды незнакомы, какъ незнакомы и съ занавѣсками. Дымъ съ безтрубныхъ очаговъ поднимается къ потолку и выходитъ наружу въ отверстіе, специально устроенное для этой цѣли въ плоской кровлѣ. Во время вѣтра и дождя сидѣть въ такомъ помѣщеніи не особенно пріятно; дымъ, не имѣя выхода, ѣстъ глаза, дождь брызжетъ словно подъ открытымъ небомъ. Впрочемъ, чиновники и знатныя ламы устраиваются практичнѣе: у нихъ въ зимнее время ставни запираются на-глухо, въ помѣщеніе же вносится тазъ съ горячими углями и ставится у низкаго стола, стоящаго или просто на полу, или на нѣкоторомъ отъ пола возвышеніи. Содержать дома вообще довольно чисто; даже имѣются и тѣ приспособленія, о которыхъ въ нашихъ деревняхъ сплошь и рядомъ не имѣютъ понятія, какъ о специальныхъ пристройкахъ или помѣщеніяхъ.

Нашъ лагерь былъ расположенъ напротивъ самого селенія, будучи отдѣленъ отъ послѣдняго лишь рѣчкой, пѣшеходное сообщеніе черезъ которую производилось по узкому, крайне примитивному мосточку, а верховое и вьючное—бродомъ. Жизнь тибетцевъ текла передъ нашими глазами обычнымъ чередомъ. На утренней зарѣ, когда мы еще находились въ постеляхъ, за рѣчкой раздавалось пѣніе пѣтуховъ, отрадно напоминавшее нашу деревню; немного позднѣе просыпались пернатые сосѣдняго лѣса и одинъ за другимъ своими голосами вносили оживленіе. Съ восходомъ весенняго солнца, скоро согрѣвавшаго нашу палатку, лагерь возобновлялъ свою дневную дѣятельность. Въ то же время изъ жилищъ тибетцевъ поднимался дымъ, стада прогонялись на пастбу, женщины спускались за водой; часовъ около десяти утра тибетцы тащились на поля, а около пяти пополудни уже возвращались обратно. Съ пригономъ стада домой и погасаніемъ вечерней зари селеніе погружалось въ дремоту; смолкали и дѣтскіе звонкіе голоса, хоромъ взывавшіе къ небу о ниспосланіи обильныхъ урожаевъ.

Южное ущелье, занятое экспедиціей, вполнѣ удовлетворяло насъ. По сосѣдству съ лагеремъ, на вершинѣ скалы, скрытно располагалось убѣжище нѣсколькихъ монаховъ, изрѣдка отправляв-

сихъ богослуженіе; въ глубинѣ же ущелья, напротивъ заповѣднаго лѣса, въ сланцевой пещерѣ обиталь отшельникъ, ни разу не показавшійся на глаза не только никому изъ насъ, но даже и монголамъ-пастухамъ, охранявшимъ экспедиціонный скотъ.

Въ виду довольно поздняго развитія свѣжихъ кормовъ въ горахъ, мною было рѣшено, еще до прихода въ Бана-джунъ, пріютиться здѣсь лагеремъ, съ тѣмъ, чтобы недѣли на двѣ дать отдыхъ животнымъ и въ то же время организовать поѣздку Бадмажанова въ Хор-гамдзэ, въ обществѣ лхассцевъ, дэргэса и двухъ нашихъ пайдамскихъ монголовъ Дадайя и Чакдура. Только такой составъ лицъ поѣздки къ непокорному хорскому населенію и могъ еще служить гарантіей въ достиженіи цѣли; о принятіи же участія въ ней кого бы то ни было изъ русскихъ не могло быть и рѣчи.

Въ послѣдній день истекавшаго марта мѣсяца пестрый и нарядный развѣздъ съ Бадмажановымъ во-главѣ двинулся въ Хор-гамдзэ. Долженъ сознаться, что я не вѣрилъ въ неуспѣхъ этого предпріятія, казавшагося мнѣ тогда самымъ обыкновеннымъ дѣломъ, и рассчитывалъ на полученіе интересныхъ свѣдѣній о почти неизвѣстной странѣ и ея обитателяхъ.

Свѣтлый праздникъ мы встрѣтили и провели, слѣдовательно, безъ Бадмажанова. И на этотъ разъ я похристовался съ конвоемъ экспедиціи вмѣсто краснаго яйца золотыми монетами. «Завѣтная» заѣдочки и усладеньки помогли намъ отпраздновать второй весенній праздникъ въ нашемъ путешествіи съ нѣкоторой торжественностью. В. Ѳ. Ладыгинъ, знакомый съ кулинарнымъ искусствомъ, угостилъ насъ вкуснымъ сладкимъ пирогомъ. Мѣстный и дэргэзскій чиновники были нашими гостями, и имъ по вкусу пришли русскія яства, но еще больше водка. Уйдя, затѣмъ, къ себѣ въ селеніе, подъ веселымъ впечатлѣніемъ, они продолжали тамъ еще двое сутокъ справлять «русскій праздникъ», угощаясь виномъ, конечно, мѣстнаго приготвленія.

На третій день праздника, какъ и раньше, было условлено, чтобы банаджунскій старшина сопровождалъ меня на берегъ Я-лун-цзяна, который, стремительно пробѣгая по каменистому галечному руслу, обставленному высокими мягкими берегами, далеко разносилъ по сторонамъ свой шумъ. Сѣрыя некрасивыя волны пестрѣли по всей видимой поверхности рѣки, имѣющей въ ширину отъ тридцати до сорока сажень, при глубинѣ, по словамъ туземцевъ, около десяти футовъ при теперешнемъ сравнительно низкомъ уровнѣ и раза въ полтора болѣе въ періодъ наибольшаго поднятія воды. Общее направление рѣки шло отъ сѣверо-запада къ юго-востоку и, насколько

хватать глазъ, вся прилежащая долина была занята земледѣльческимъ населеніемъ. Сѣрые дома одиночками и группами чередовались съ разграничивающими ихъ полями, носившими такой же сѣрый, безжизненный печальный видъ, какой имѣли въ это время и ближайшіе и отдаленные горные скаты, по которымъ кое-гдѣ виднѣлись маленькіе участки лѣса и кустарника. Стада крупнаго и мелкаго скота паслись тамъ же по непривѣтливымъ луговымъ уваламъ. Свѣжая травка еще боязливо выглядывала изъ земли и нужно было пристально всматриваться, чтобы обнаружить ея присутствіе. Нѣсколько обыкновенныхъ мельницъ, расположенныхъ въ рядъ по рѣчкѣ Сэр-чю, молчали; нѣкоторыя же изъ водяныхъ мельницъ-молеленъ или хурдэ, пристроенныхъ на боковыхъ ручьяхъ, вертѣли молитвенные цилиндры.

Пользуясь свободнымъ временемъ вообще, я приводилъ въ порядокъ мои дневники и журналы и приступилъ было къ составленію отчета, соглашаясь съ двухнедѣльнымъ отсутствіемъ Бадмажапова, но внезапное появленіе послѣдняго, на пятый или шестой день, прервало это занятіе. Свѣтлыя мечты не оправдывались.

Бадмажановъ провелъ въ Хор-гамдзэ всего лишь нѣсколько критическихъ часовъ и при исключительныхъ условіяхъ покинулъ его.

Когда мои посланные поднялись на послѣдній уваль, то съ вершины его имъ открылся сначала огромный монастырь, красиво расположенный по скату большого холма и занимающій своими постройками лѣсовыя террасы. Внизу, у подножья холма, расположенъ городъ, сѣрыя, высокія каменные постройки котораго очень скучены; улицы узки, глубоки и страшно пыльны. Своего посланца, который долженъ былъ встрѣтить Бадмажанова еще за городомъ, онъ не встрѣтилъ и безъ него въѣхалъ во внутрь этого многолюднаго пункта, въ надеждѣ, что кто нибудь изъ тибетцевъ проводитъ его куда слѣдуетъ. Вскорѣ, однако, ему повстрѣчался лхасскій посланецъ, смущенный, растерянный и на ходу проронившій: «дѣло плохо, насъ рѣшено не пускать въ городъ». Что было дѣлать?..

Такъ какъ въ городѣ находился въ это время какой-то лхасскій чиновникъ-лама, то Бадмажановъ и рѣшилъ остановиться у него и выяснить свое положеніе. Мой спутникъ думалъ найти содѣйствіе у китайцевъ, но не зналъ, гдѣ находится ихъ ямынь или управленіе, а разыскивать его было не время. У дома же, гдѣ проживалъ лхасскій чиновникъ, Бадмажановъ оставилъ свой караванъ и людей, за исключеніемъ Дадайя и обоихъ лхассцевъ, съ которыми прошелъ черезъ дворъ, окруженный постройками, и по лѣстницѣ поднялся во второй этажъ, въ комнату, гдѣ жилъ лама-лхасецъ.

Послѣ привѣтствій, Бадмажановъ объяснилъ ему свое дѣло и попросилъ его повліять на мѣстныхъ властей, чтобы ему отвели какое-нибудь помѣщеніе, добавивъ въ заключеніе, что не только русскіе, которыхъ такъ боялись хорцы, не придуть сюда, но даже и онъ пробудетъ здѣсь самое ограниченное время, достаточное лишь для пріобрѣтенія на базарѣ самага необходимаго изъ предметовъ продовольствія и снаряженія. Лхасскій лама отвѣтилъ моему спутнику слѣдующее: «ни мѣстныя власти, ни онъ не въ состояніи сговориться съ городской чернью, требующею одного—изгнанія «русскихъ изъ города!». Но онъ надѣялся все же, что, при содѣйствіи китайскаго чиновника, проживающаго въ городѣ, ему удастся устроить моихъ людей хотя бы на одну ночь или въ ямынѣ у китайцевъ, или у него въ домѣ; поэтому онъ вѣжливо предложилъ Бадмажанову обождать его нѣсколько времени здѣсь, пока онъ сходитъ къ китайцамъ, и вышелъ; больше его Бадмажановъ уже не видѣлъ ²⁾).

Между тѣмъ на улицѣ происходилъ ужасный шумъ и Дадай съ однимъ изъ лхассцевъ отпавился туда, чтобы присмотрѣть за своими вещами. Лишь только они вышли изъ двора, какъ туда ворвалась толпа вооруженныхъ саблями тибетцевъ, а минуто спустя она уже заняла всю лѣстницу и корридоръ, равно и плоскую кровлю нижняго этажа, куда выходило единственное окно изъ комнаты ламы-лхассца. Въ комнату толпа, однако, не вошла, а расположилась отъ порога ея по всему корридору. Передніе грубо спросили: «что вы за люди и зачѣмъ сюда явились?»—Бадмажановъ, какъ могъ, при посредствѣ оставшагося съ нимъ въ комнатѣ лхасскаго хондо, немного говорившаго по-монгольски, объяснилъ возбужденной толпѣ, что присланъ сюда за покупками, имѣеть при себѣ паспортъ отъ китайскаго богдыхана и отъ лхасскихъ властей. Но несдержанная толпа галдѣла безъ умолку, мѣшая Бадмажанову говорить, а передніе на его заявленіе о паспортахъ грубо ему отвѣтили: «паспорта твои для насъ ничего не значать; мы плюемъ на далай-ламу и знать его не хотимъ, такъ какъ онъ самъ въ Лхасу васъ не пустилъ и требовалъ того же отъ насъ, между тѣмъ теперь посылаетъ пилиновъ къ намъ, да еще въ сопровожденіи своихъ людей. Богдыхана мы презираемъ еще болѣе: онъ выдаетъ пилинамъ паспорта, а самъ пѣшкомъ удираетъ отъ нихъ изъ столицы въ Сиань-фу. Измѣнники оба—и далай-лама, и богдыханъ и мы еще разъ плюемъ на нихъ и бросаемъ имъ въ глаза пепель. Вы же немед-

²⁾ Пріѣздъ Бадмажанова въ Хор-гамдзэ совпалъ съ серьезной враждой тибетцевъ двухъ городскихъ хошуновъ, Кансаръ и Мансаръ, перешедшей въ вооруженное столкновение, во время котораго начальникъ хошуновъ, Кансаръ былъ убитъ. Опыяненная кровью и возбужденная виномъ городская чернь находилась въ повышенномъ настроеніи и готова была предпринять все, что угодно.

ленно убирайтесь, если хотите остаться живыми, иначе будете перерублены!» Толпа, повидимому, озвѣрѣла и пришла въ неистовство, требуя отъ переднихъ рядовъ скорѣе прикончить Бадмажанова и его спутника, а тѣла ихъ выбросить къ нимъ на осмотръ.

Предчувствуя недоброе, Бадмажановъ потихоньку спряталъ за пазуху револьверъ и не вынималъ оттуда правой руки, невольно сжимавшей рукоятку его, въ лѣвой же рукѣ держалъ пачку патроновъ. Сидѣвшимъ впереди, на ихъ требованіе немедленно уйти, мой спутникъ отвѣтилъ: «обождите немного и дайте мнѣ возможность переговорить съ посланнымъ въ китайскій ямынь; выяснивъ дѣло, я немедленно уѣду». Толпа вняла было вѣжливой просьбѣ Бадмажанова и удалилась во дворъ, очевидно для совѣщанія. Полторачасовой напряженный разговоръ утомилъ моего спутника и не столько физически, какъ нравственно... Не успѣлъ онъ вздохнуть свободнѣе, какъ толпа еще болѣе многочисленная и еще болѣе возбужденная ворвалась въ корридоръ и заградила выходъ, крича и всячески понося моего спутника, и требуя немедленнаго удаленія его изъ Хор-гамдзэ. Бадмажановъ продолжалъ стоять на своемъ, надѣясь, что посланный къ китайцамъ, наконецъ, явится; но послѣднему, какъ оказалось впоследствии, не было возможности протискаться къ нему черезъ огромную толпу черни, занявшей не только всѣ ближайшія улицы, но и крыши домовъ. Самая же отчаянная компанія съ звѣрскими налитыми кровью глазами то приходила въ корридоръ, то его оставляла и наконецъ явилась въ послѣдній разъ и, подойдя къ порогу, уже не уходила, а грозила схватить Бадмажанова, если онъ, на ихъ послѣднее требованіе немедленно удалиться, останется въ комнатѣ.

Неизвѣстность того, что происходитъ съ остальными людьми на улицѣ, гдѣ шумъ увеличивался, невозможность сговориться съ дикой разбойничьей толпой не оставляли моему спутнику другого исхода, какъ уѣхать изъ Хор-гамдзэ, о чемъ онъ и объявилъ ближайшимъ тибетцамъ; при этомъ попросилъ ихъ оставить корридоръ, биткомъ набитый туземцами, и дать ему дорогу. Но толпа озвѣрѣвшихъ тибетцевъ предложила Бадмажанову идти между нею, иначе говоря, она рѣшила схватить его въ тѣснотѣ, гдѣ мой спутникъ не могъ бы и руки освободить изъ-за пазухи, или просто заколоть его мечами. Тогда онъ вынулъ револьверъ и объявилъ тибетцамъ, что, если они не очистятъ корридора, то онъ половину ихъ перестрѣляетъ. Это заявленіе подѣйствовало и толпа быстро освободила дорогу изъ дома, но заняла весь дворъ. Выйдя со своимъ спутникомъ на лѣстницу, онъ и здѣсь съ револьверомъ въ рукѣ

потребовалъ удаленія толпы изъ двора, что она также исполнила. Со двора Бадмажановъ направился къ воротамъ и на улицу, гдѣ были его люди съ караваномъ. При его появленіи въ воротахъ толпа отхлынула и глазамъ Бадмажанова представилась слѣдующая картина: Дадай, Чакдуръ, лхасецъ, проводники и избитый дэргэскай хондо стояли прижавшись къ стѣнѣ съ лицами, почернѣвшими отъ ужаса. Какъ потомъ Бадмажановъ узналъ, они натерпѣлись страха, да и было отъ чего. Толпа въ буквальномъ смыслѣ приперла ихъ къ стѣнѣ и не давала имъ покоя въ продолженіи шести съ половиною часовъ, проведенныхъ въ свою очередь Бадмажановымъ безъ движенія въ тѣсномъ помѣщеніи, и всячески надъ ними издѣвалась. Особенно набрался страха Чакдуръ, на котораго точилъ зубы одинъ отъявленный разбойникъ; послѣдній говорилъ, обращаясь къ нему: «Ты монголь! а... это хорошо! да какой же ты молодой и толстый! Вотъ эта моя сабля еще никогда не любила монголовъ и я теперь очень радуюсь, что она поработаетъ на твоей круглой шеѣ». При этомъ негодай вынималъ клинокъ и, поглядывая на Чакдура, пробовалъ пальцемъ лезвіе сабли. «Вы, обращаясь къ толпѣ, говорилъ тибетецъ, оставьте мнѣ этого монгола, я его убью, а сами займитесь другими»...

Однако, при появленіи Бадмажанова на улицѣ, толпа и здѣсь отступила и онъ со своими спутниками, пользуясь замѣшательствомъ тибетцевъ, вскочилъ на своихъ лошадей и направился вонъ изъ города. Теперь онъ былъ увѣренъ, что его маленькій караванъ спасенъ и благополучно выберется отъ недруговъ, начавшихъ бросать въ нихъ камнями, глиной, сопровождая все это площадною бранью. Летѣли въ моихъ людей камни и сверху, съ крышъ домовъ; всѣ, за счастливымъ исключеніемъ Бадмажанова, были побиты; особенно серьезно пострадалъ дэргэскай хондо, который былъ жестоко избитъ еще тогда, когда Бадмажановъ сидѣлъ въ фанзѣ; несчастнаго били безпощадно и таскали по землѣ за длинные волосы; въ концѣ концовъ отняли саблю и шаль, повязываемую вокругъ головы.

Такимъ образомъ толпа хоргамдзэсцевъ провожала моихъ посланныхъ за черту города; и только тамъ стали частями отставать отъ нихъ, но зато отрядъ конныхъ тибетцевъ слѣдилъ за ними до селенія Тэвунго, гдѣ Бадмажановъ расположился на ночлегъ.

Итакъ моему спутнику не только не пришлось выполнить порученій, но не удалось даже видѣться съ мѣстными властями и познакомиться съ городомъ. Нѣкоторыя свѣдѣнія о Хоргамдзэ, о населеніи, торговлѣ и административномъ дѣленіи Хорскаго округа, Бадмажановъ собралъ лишь на обратномъ пути.

На обратномъ же пути мой спутникъ отмѣтилъ по дорогѣ и женскій монастырь Аниг-гомба, живописно пріютившійся на скалистомъ берегу Я-лун-цзяна. Это первый *женскій* монастырь, встрѣченный нами въ Тибетѣ. Въ немъ считается пятьдесятъ монахинь желтаго толка; основанъ онъ не особенно давно, лѣтъ около семидесяти тому назадъ, одной старухой, выстроившей себѣ вначалѣ на этомъ мѣстѣ небольшую хижину и часовню. Вскорѣ образовалась община, постепенно затѣмъ разросшаяся до размѣровъ нынѣшняго монастыря. Сюда принимаются молодыя женщины и дѣвушки, изъявившія желаніе постричься; равно не отказываютъ въ допускѣ въ монастырскія стѣны всевозможнымъ несчастнымъ: калѣкамъ, уродамъ и вообще неспособнымъ къ труду. Нѣсколько монахинь въ роли учительницъ занимаются обученіемъ вновь поступившихъ грамотѣ и чтенію священныхъ книгъ.

Правила въ этомъ монастырѣ, по словамъ тибетцевъ, несравненно строже, нежели въ мужскихъ монастыряхъ. Молодые монахини могутъ отлучаться изъ монастыря только днемъ, на ночь же обязаны возвращаться въ его стѣны. Мужчины допускаются въ Аниг-гомба тоже только днемъ и на время, достаточное лишь для того, чтобы успѣть помолиться богамъ и сдать свои приношенія. Эти правила распространяются и на ламъ, которые вообще рѣдко заглядываютъ въ женскій монастырь. Вечеромъ же ни одинъ мужчина не смѣетъ подняться къ монастырю по двумъ узкимъ, крутымъ дорожкамъ: монахини неминуемо побьютъ его камнями сверху.

Буддійскія монахини брѣютъ голову и одѣваются почти такъ же, какъ и ламы-мужчины, но онѣ несравненно чистоплотнѣе послѣднихъ. Бадмажановъ, дважды проѣжая вблизи Аниг-гомба, видѣлъ молодыхъ монахинь, моющихся на рѣкѣ. Здоровье ихъ не оставляло желать лучшаго; онѣ выглядѣли округлыми, румяными и несравненно бѣлѣе своихъ сестеръ-мірянокъ. Нрава онѣ были, по видимому, довольно веселаго, такъ какъ встрѣчали и провожали моего спутника улыбками и звонкимъ смѣхомъ.

Служба въ женскомъ монастырѣ происходитъ совершенно такъ же, какъ и въ мужскихъ монастыряхъ. Чины и администрація въ Аниг-гомба носятъ такія же названія, какъ и у послѣднихъ. Во время службы кафедру занимаетъ настоятельница, а монахини по старшинству садятся въ два ряда, какъ и ламы въ мужскихъ монастыряхъ. Трубы, бубны и тарелки употребляются по положенію, принятому также въ мужскихъ монастыряхъ.

П. Козловъ.